

21.4.2000

Миллер Лариса

304

НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ РФ *Рос. газета. - 2000. - 21 апр. - с. 25*

«Между облаком и ямой» —

«В стихах Ларисы Миллер есть все — мрак, тоска, ужас безвременья, страх смерти, усталость от пошлости, тиски сиюминутности, ощущение необратимости истории. Но все это осенено высью. И ее строгий, чистый, совершенно отдельный голос талантливо противостоит массовке тупика, являясь вестью оглушающе внятной, насыщенной и отважной», — пишет Татьяна Бек, рецензируя девятый поэтический сборник Ларисы Миллер.

Именно он — «Между облаком и ямой» (М., «NGS», 1999) — выдвинут редакцией журнала «Новый мир» на соискание Государственной премии России в области литературы и искусства. А вот еще одно, казалось бы, противоречащее предыдущему, суждение. «Поэт гармонического стихотворения» — так двадцать два года назад охарактеризовал Ларису Миллер Арсений Тарковский.

НЕВЕСОМЫЕ СТИХИ

Гармония — да. Только вот на чем основанная? Как рождается гармония там, где ее — в жизни — нет? Это и есть главная тайна поэзии стихов Ларисы Миллер. Открывая ее последние по времени книги, невольно отмечаешь следы нового опыта, частного и исторического. Впрочем, такого ли уж нового? Опять — «минуты роковые»... «А что до жизни до самой. / То до нее ли, милый мой? / И думать не могли об этом: / Мятаж весной, реформы — летом. / И перевыборы зимой».

Между тем наугад выхваченные строфы способны ввести читателя в заблуждение. Политический темперамент у поэта — именно как поэта — нулевой. Отношения с жизнью у нее

амбивалентные: очарованность и страх. Реакция на угрозу — исчезнуть, ускользнуть, раствориться... Любовь к жизни — огромная, но витальная энергия — этого нет как нет. Стихи ее созданы как бы «без слов». Невесомые, держащиеся только на интонации. Слова простые до банальности. И неизменно оборачивающиеся чудом поэзии. «Пахнет мятой и душицей / Так обидно чувств лишиться, / Так обидно не успеть / Все подробности воспеть, / Эти травы не увидеть / Все равно, что их обидеть... / Жизнь, лишенную брони, / Милосердный, сохрани». Но перебирание банально-поэтического словаря — дело весьма рискованное, стоит оступиться — и сразу банальность на-

меренная может обернуться банальностью невольной, а «кажущаяся эфемерность» — эфемерностью не кажущейся. Ключ к поэтике Миллер можно найти в одном из ее эссе о поэзии Георгия Иванова: «За банальным словарем и небрежной интонацией угадывается НЕЧТО — боль, горечь, отчаяние, страсть, — дающее стихам особую глубину и силу».

Ее поэтический мир лишен, на первый взгляд, четких мировоззренческих или конфессиональных опор, но как целое он ощутимо противостоит пресловутому хаосу и даже идее хаоса. Картинка, если так можно выразиться, четкая и яркая, контрастная. Есть, образно говоря, цветущая поляна, вдруг обрывающаяся... Не

смотри туда, не надо, говорит поэт. Пройди по краю. Ведь «если есть там что-нибудь, / Узнаешь. А пока — забудь». Сюда лучше смотри, на поляну, поляна — настоящая, не эфемерная. И она — скорее космос (в старинном значении слова), чем хаос. Тут можно жить, говорит нам поэт. Живи. Смотри. Слушай. Пой.

«La vie», — поет Эдит Пиаф.

«La vie, La vie», лови мгновенье...

И этот голос вечно прав,

И не грозит ему забвенье.

Не случайное, но и парадоксальное в каком-то смысле выдвижение Ларисы Миллер на Государственную премию можно сравнить разве что с выдвижением на премию прекрасных и совершенно внегосударственных сонат или квартетов. Так признаемся самим себе, что прекрасное недоказуемо. Просто вздрагиваешь там, где другой пролистнет небрежно и равнодушно.

Андрей ВАСИЛЕВСКИЙ.